

Средневековые письменные источники о древнем Ургенче

Category: Kitarcsy

написано kitarcsy | 22 января, 2025

Средневековые письменные источники о древнем Ургенче

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ДРЕВНЕМ УРГЕНЧЕ

● Под редакцией доктора исторических наук, профессора М.Айдогдыева

В настоящее издание вошли отрывки из сочинений средневековых авторов, писавших о Гургандже, которые ранее были переведены на русский язык и опубликованы. Многие из них сегодня труднодоступны, разбросаны по крупицам в разных изданиях, в том числе весьма редких. Сделана попытка собрать вместе максимальное количество известных свидетельств лишь об одном городе на протяжении нескольких веков его существования. Таким образом, может быть облегчена работа исследователей, так или иначе касающихся прошлого Куня-Ургенча, а также оказана помощь тем, кто впервые изучает его историю.

● ПРЕДИСЛОВИЕ

На самом севере Туркменистана, в 105 км северо-западнее Дашогуза находится город Куня-Ургенч (в современной туркменской транскрипции Кёнеургенч) с населением 31,4 тыс. человек. К его южной окраине примыкает территория Государственного историко-культурного музея-заповедника, созданного в 1985 г. и занимающего площадь около 640 гектаров. Здесь стоят несколько великолепных архитектурных памятников прошлого (в том числе – самый высокий в Средней Азии минарет) и рядовые постройки: как отдельные здания, так и крепостные стены, или валы, а также большое количество нераскопанных всхолмлений, скрывающих фундаменты разрушенных дворцов, мавзолеев, мечетей, медресе, караван-сараев. Все это – остатки огромного престольного города, существовавшего более двух

тысяч лет (как минимум, со времен античности до позднего средневековья) и достигшего наибольшего расцвета в середине XIV в., спустя столетие после монгольского погрома и за несколько десятилетий до его уничтожения Тимуром.

Однако гораздо раньше здесь уже была столица древнего Хорезма – исторической области и государства в низовьях Амударьи, первое упоминание о котором есть в «Михр-яшт» – одном из самых известных гимнов Авесты – священного писания зороастрийцев[1]. Кроме того, почти 100 лет назад крупный немецкий ученый И.Маркварт предположил, что «породившая так много споров Айрьянемваэджо, родина Авесты, идентична Хорезму». Гипотезу поддержали многие исследователи[2]. Как отмечал академик С.П.Толстов (1907-1976), внесший огромный вклад в изучение этого региона, «в позднейшей зороастрийской традиции, в пехлевийских текстах и восходящих к ним арабских источниках Хорезму уделено весьма крупное место в религиозной географии первоначального зороастризма», а «первые, относительно обильные литературные сведения о Хорезме связаны уже с ахеменидским периодом его истории. Хорезм во второй половине VI в. входит в состав державы Ахеменидов и с тех пор его имя мы неизменно видим в царских надписях Дария, рядом с именами других среднеазиатских областей»[3].

Следует иметь ввиду, что Хорезм часто отождествлялся с названием главного города этой области, каковым в различные периоды был Гургандж (Куны-Ургенч)[4]. Но в той же Авесте, в первом фрагменте «Видевдата», традиционно именуемом «Географической поэмой», сказано, что Ахурамазда, сотворивший шестнадцать «лучших стран и мест обитания», создал «Урву, богатую травами»[5]. Профессор-арабист из Вены, автор наиболее обстоятельного для XIX века изложения истории Хорезма на основе арабских источников К.Э.Захау пришел к выводу, что Урва Авесты – это и есть последующий Ургенч[6]. Такую идентификацию он объяснил особенностями лингвистической системы согласных единиц звукового строя древнеиранского языка. Целиком поддерживал эту локализацию Урвы и С.П.Толстов, обосновывая уравнение Кангха (в Авесте) = Кангюй (у китайцев) = Кангдиз (в

пехлевийских текстах и Шах-наме) с Хорезмом[7].

О городе Хорасмия и стране хорасмиев (хорезмийцев), занимавших равнины и горы к востоку от Парфии, писал на рубеже VI-V вв. до н.э. древнегреческий автор Гекатей из Милета[8]. В левобережном Хорезме известно множество городищ, датируемых античным периодом, поэтому трудно утверждать, какое из них могло доминировать в далеком прошлом. Гургандж, в котором логичнее всего было видеть некий архаичный административный центр, до сих пор не давал серьезных материальных подтверждений своей древности. Но картина резко изменилась после того, как в 1991 г. на территории нынешнего Куняургенчского заповедника начались раскопки холма, известного под названием Кыркмолла. Вскоре выявились контуры мощной античной крепости, возведенной на более ранней культурной толще с керамикой V-II веков до н.э.[9] Стало быть, именно здесь находится древнейшее ядро Гурганджа и теперь многое встает на свои места.

Академик В.В.Бартольд (1869-1930), которому принадлежат капитальные труды и очерки по истории Хорезма, считал, что к названию Гургандж восходит старейшее (I в. до н.э.) китайское обозначение Хорезма – Юегянь, или Юецзянь, встречаемое в «Истории старших Хань»[10]. Следующее упоминание в китайских источниках появляется лишь в VII в., когда началось возрождение Хорезма, вернувшее жизнь в города, где она замерла в результате тяжелого экологического кризиса еще в IV в.: это левобережные Куняуаз (Кеневас), Змукшир (Замакшар), Ярбекир, Шахсенем, правобережные Кават-кала, Гульдурсун и др.

О Гургандже первых веков н.э. вплоть до арабского нашествия фактически ничего неизвестно, но имеется сообщение Прокопия из Кесарии (Палестина), высшего сановника и историка эпохи Юстиниана I – императора Восточной Римской империи (VI в.). Прокопий, в частности, писал: «Хотя эфталиты народ хуннского племени, но они не смешаны с известными нам хуннами, не живут вместе с ними и не имеют смежной с ними области; они соседи с персами на севере, там, где город, называемый Горго у самой персидской окраины, где между ними и персами часто происходит война за границы. Они не кочевники подобно хуннским племенам,

но издревле населяют плодоносную страну, и никогда не нападали на римские земли иначе как вместе с войском мидийским. Из всех хуннов они одни белы телом и небезобразны лицом... состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство, наблюдая между собой и с другими справедливость не хуже римлян или кого другого»[11]. Не говоря о том, что эта характеристика вполне соответствует тому, что известно о культуре раннесредневекового Хорезма, обращает на себя внимание упоминание города Горго.

Профессор Петербургского университета, тюрколог Н.И.Веселовский (1848-1918), цитируя в своей диссертации Прокопия, отметил, что «по созвучию город этот можно принять за Ургендж; тем более, что, как доказывает Захау[12], в слове Ургендж окончание ндж есть позднейшая прибавка тюркской формы (подобно тому, как из названий двух месяцев бесак и жимда образовались бесакендж и жимданедж). Противоречит этому предположению разве что только его [определение] как пограничного с Персией города, каковым не мог быть Ургенч; но большой точности от византийских писателей мы не в праве требовать, так как они писали об эфталитах с чужих слов, что слышали в Персии, а потому и легко могли ошибиться в определении местоположения Ургенча»[13].

Суждения современных авторов в принципе подтверждают правоту Н.И.Веселовского. Слово «урген» по мнению С.Атаниязова восходит к названию древнего народа гурган, проживавшего у юго-восточного побережья Каспийского моря (прежде Гирканского, т.е. Гурганского), где и теперь находятся река Горган, берущая начало в западных отрогах Туркмено-Хорасанских гор, пересекающая Горганскую долину и впадающая в Каспий, а также залив Горган и город Горган в Иране, населенный преимущественно туркменами. Этноним гурган происходит, по всей вероятности, от древнеиранского (хорезмийского) горг (волк), а «ан» – аффикс множественного числа. Окончание «ч» или «дж» – это усеченная форма хорезмийского, а затем вошедшего в фарси слова джирд (гирд/кирд/керт) означающего «город». Таким образом, древний топоним Гургандж имел первоначальный смысл «город гурганов», «Гургенград» и претерпел следующую эволюцию:

Гурганджирд – Гургандж – Ургенч[14].

В 712 г. весь Хорезм завоевали арабы, после чего Гургандж стал называться на арабский лад Джурджанийа. Он быстро рос, так как занимал выгодное положение на перекрестке торговых путей с юга на северо-запад – к реке Волге, и на восток – в Монголию и Китай. При Саманидах столицей области был правобережный город Кят, где правила местная династия хорезмшахов на правах вассальства. В левобережной части Хорезма с главным городом Гурганджем правили наместники, поставленные Саманидами. Со временем они объявили свое владение независимым от Кята, что привело к отделению севера от юга. В 995 г. эмиру Гурганджа ал-Мамуну ибн-Мухаммеду удалось завоевать Кят, свергнуть домусульманскую династию, снова объединить Хорезм и перенести титул хорезмшаха на свой род[15].

Первое арабское свидетельство о Гургандже, приводимое в этом сборнике, оставил путешественник и писатель Ахмед ибн Аббас ибн Фадлан. Он провел здесь зиму 921-922 гг., направляясь в Волжско-Камскую Булгарию в составе посольства багдадского халифа. По возвращении он представил халифу подробную записку о путешествии, в которой хорошим литературным языком, живо и образно описал все виденное на своем пути¹⁶. Десять лет спустя другой арабский автор, Абу Исхак Ибрахим ал-Истахри обработал географическое сочинение Абу Зейда ал-Балхи, написанное в 919 или 920 гг., значительно дополнив его собственными сведениями, добытыми в путешествиях или путем расспроса для тех стран, где он сам не был. Его труд «Китаб месалик ал-мамалик» («Книга путей стран») показывает очень большую осведомленность и тщательность описания.

В 985 г. написал свое сочинение «Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим» («Наилучшее распределение для познания климатов») уроженец Иерусалима Шамс-ад-дин Абу Абдаллах Мухаммед ал-Мукаддаси (ал-Макдиси). Он посетил почти все страны мусульманского Востока и на основе личных наблюдений, а также критического изучения трудов предшественников составил полное и систематизированное описание этих стран. Его точные топографические данные и детальное архитектурное описание представляют неоценимый источник для археологической истории

городов.¹⁷ Это исключительно ценное описание Гурганджа впервые перевел на русский язык Н.Веселовский. Для сравнения с переводом С.Волина, публикуемым в этом сборнике, приведем его полностью:

«Джорджаниэ, главный город хорасанской стороны, лежит при Джейхуне. Прежде вода реки достигала до самых стен этого города; тогда жители построили плотину из хвороста и деревьев, задержали течение воды в эту сторону и отклонили ее на восток. Работа эта поистине удивительная. Затем река направилась к Карият-Бератегин. К городу же проведены каналы, которые текут у городских ворот; но через город не протекают, так как ворота для этого слишком узки. Джорджаниэ с каждым днем увеличивается все больше и больше. Возле «Ворот странников» находится дворец, построенный Мамуном; ворота этого дворца по своей изящности не имеют себе подобных в целом Хорасане. Сын его Абу-Али также построил себе дворец, перед которым находится площадь вроде бухарского регистана. На этой площади происходит торг овцами. Всех ворот в городе четверо»[18]

Почти одновременно с трудом ал-Макдиси было составлено анонимное географическое сочинение на фарси «Худуд ал-алем» («Границы мира»), датируемое 983 г. Конец рукописи, где могло быть имя автора, утрачен, а сама она повествует «о земных областях и царствах, о всех, про какие можно было узнать из книг или рассказов умных людей». Источники информации в рукописи не указаны, но Бартольд обнаружил зависимость автора от Птолемея и Аристотеля, а также арабских географов Балхи и Истахри[19].

В начале XI в. «наполненное грозными, кровавыми военными событиями, дальними походами, сложными политическими интригами царствование Мамуна I, после кратковременного правления его старшего сына Али ибн-Мамуна сменяется блестящим периодом правления другого его сына Мамуна ибн-Мамуна[20]. Именно при нем в Гургандже, затмившем славу Бухары – столицы поверженных Саманидов, сложился уникальный круг ученых придворной «Академии» Мамуна. Ее украшением были великий энциклопедист

Абу Рейхан Мухаммед ибн-Ахмед ал-Бируни (973-1050) и гениальный естествоиспытатель, врач и философ Абу Али ибн Сина (980-1037), известный на Западе как Авиценна. Этот благополучный период в истории города продолжался недолго: просвещенный монарх Мамун II погиб в 1017 г., когда Хорезм завоевал султан Махмуд Газневи, а еще через четверть века победоносные Сельджуки захватывают власть над всеми владениями Газневидов. С 1044 г. Хорезм – всего лишь провинция государства Великих Сельджуков. К этому времени относится исторический труд Абу-Са'ида Гардизи «Зейн ал-ахбар» («Известия для Зейна»), посвященный газневидскому султану Зейн-ал-миллу, правившему в 1049-1053 гг. Это летопись Хорасана от мифической древнеиранской династии Пишдади до реальных событий, современником которых был сам автор.

В 1097 г. произошло событие, положившее начало последней (и самой яркой) династии Хорезмшахов-Ануштегинидов. Владетелем Хорезма сельджукиды назначили Кутб ад-дина Мухаммеда I. Он правил 30 лет и до самой смерти был верноподданным султана Санджара, который затем, не колеблясь, своим указом утвердил на престоле хорезмшахов его сына Атсыза[21]. Однако последний со временем стал проявлять независимость, неоднократно вступая в военную конфронтацию с Санджаром. Атсыз упорно и настойчиво осуществлял политику «собирая земель», издревле экономически тяготеющих к Хорезму, и постепенно подчинил всю северо-западную часть Средней Азии. Его внук Ала-ад-дин Текеш ибн иль-Арслан в 1194 г. окончательно освободил Хорезм от сельджуков и расширил свои владения до размеров средневековой империи. Сын Текеша Ала-ад-дин Мухаммед II завершил оформление государства великих хорезмшахов, которое при нем достигло наибольшего могущества: оно простиралось от северных районов Прикаспия до Персидского залива и от Кавказа до Гиндукуша. Весь этот блестящий период Гургандж был имперским центром, в котором процветали искусства, ремёсла и торговля. Правда, нарративные источники ХН-начала XIII вв., касающиеся этого города, почти неизвестны, но заметные следы хорезмшахской эпохи остались на самом городище в виде археологических и архитектурных памятников.

Государство великих Хорезмшахов распалось в результате монгольского нашествия в 1220 г. а вскоре погибла их славная столица.

Арабский автор Якут ибн Абдаллах ар-Руми ал-Хамави (1179-1229) был последним, кто описал Гургандж накануне его разрушения монголами. Публикуемые ниже отрывки из книги «Му'джам ал-булдан» («Словарь стран») чрезвычайно интересны и ценны для изучения истории города. Метод работы Якута отличался от обычного уровня сочинений арабских ученых большой критичностью. Он отбирал наиболее достоверные, по его мнению, сведения, а сомнительные известия приводил с критическими оговорками. Несмотря на компилятивность Словаря Якута, он, безусловно, сам давно стал ценнейшим первоисточником, так как большинство использованных в нем сочинений до нас не дошло [22].

Как отмечал В.В.Бартольд, из мусульманских историков о монгольском нашествии на Хорезм писали три современника события: Ибн ал-Асир, ал-Джузджани и ан-Несеви [23]. Однако наиболее емкое и объективное описание этой эпопеи дал персидский историк и политический деятель Ала-ад-дин Ата-Мелик Джувейни (1226-1283). В сочинении «Тарих-и-джехангуша» («История завоевателя мира») он подробно рассказывает об осаде и падении Гурганджа в апреле 1221 г. и приводит очень существенный факт, свидетельствующий о том, что разрушение города не было тотальным: <<В продолжение четырех месяцев жители Хорезма сражались с ними <монголами> и отражали неверных, которые, наконец, взяли город, предали весь народ мученической смерти и разрушили все строения, за исключением двух мест: 1) Кушк-и-Ахчака и 2) гробницы султана Текеша» [24]. Тоже самое повторил в 1260 г. Джузджани в «Табакат-и-насири» («Насиры таблицы»): «наконец, они <монголы> взяли город <Ургенч>, умучили все население и разрушили постройки за исключением двух мест: одно — Кешк-и-Ахчак, и другое — мавзолее султана Мухаммеда Текеша» [25]. В дополнение к этому Бартольд привел более позднее известие Абд ал-Карима Бухари о том, что уцелели также мавзолеи Надж ад-дина ал-Кубра, Ибн Хаджиба, дочери Мухаммеда, минарет и часть базара [26]. К

грозным событиям 1221 года позже обратился автор выдающегося труда «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Фазллах ибн Абу-л-Хайр Рашид ад-дин (1247-1318), писавший на фарси.

Благодаря своему удобному местоположению Гургандж, который монголы и турки стали называть Ургенчем, сравнительно быстро смог возродиться и сохранить значение торгово-ремесленного и административного центра. В 1246 г. сюда попал странствующий монах из Италии Джованни дель Плано Карпини, написавший затем свою «Историю монгалов». В частности, он пишет:

«Пошли они <монголы> также против города, который именуется Оронас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было много христиан, именно хазар (Gazari), русских, аланов и других, а также сарацин <хорезмийцев>. Сарацинам же принадлежала и власть над городом. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая [...] впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие сарацины имели в нем огромный рынок. И так как они <монголы> не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми»[27].

В том, что под Оронасом следует понимать Ургенч, современные комментаторы Карпини единодушны.

Войдя в состав улуча Джучи, а затем став почти независимым в системе золотордынского ханства, Хорезм вступил в благополучную фазу, продолжавшуюся вплоть до походов Тимура. Об этом свидетельствует знаменитый арабский путешественник Ибн-Баттута (1304-1377), прибывший в Ургенч в 1333 г. и назвавший его самым большим и процветающим тюркским городом. Ургенч уже был столицей огромной восточной провинции Золотой Орды, и переживал самый блестящий период своей истории. Особую роль в его развитии в первой половине XIV в. сыграли местный правитель Кутлуг-Тимур и его жена Тюрабек-ханым. В 1340 г. в Ургенче побывал будущий автор путеводителя для купцов, итальянец Бальдуччи Пегалотти, также отметивший высокий уровень экономического развития города. В европейских

источниках XIV в. Ургенч упоминается как Wrgant[28]. После 1360 г. в Ургенче обосновалась независимая от Золотой Орды династия Суфи и к этому времени, видимо, закончился процесс тюркизации языка хорезмийцев. В 1388 г. случилась новая катастрофа – Тимур подверг Ургенч опустошению, разгромив большинство построек и угнав оставшееся население в Самарканд. После этого события город уже не оправился, хотя попытки его восстановления имели место и в 1391 г., и много позже. Но с XV века начались процессы глобального характера, не способствовавшие возрождению города. Во-первых, изменилось русло Амударьи и река отошла от города почти на 40 км. Во-вторых, политический и экономический центр региона переместился из Хорезма в Мавераннахр (область Самарканда и Бухары). Наконец, развитие морских путей между Европой, Индией и Китаем, а также открытие Америки привело к постепенному исчезновению трансконтинентальной караванной торговли и вызвало общий упадок экономики Средней Азии, оказавшейся с тех пор на периферии мировой цивилизации.

«Старая культурная страна, – писал В.В.Бартольд, – стала разбойничьим государством; из-за этого караванный путь через среднюю Азию утратил всякое значение, что подтверждается также рассказом Антония Дженкинсона, единственного европейца, который посетил в это время Хорезм (1558 г.). Раньше название страны часто переносили на столицу (сначала на Кят, потом на Ургенч); теперь страна обычно называется по столице, сначала Ургенч, потом Хива»[29].

По словам Дженкинсона, «Ургенч расположен на месте ровном; имеет вокруг земляные валы по четыре мили в длину. Постройки в нем тоже земляные; но они наполовину разрушились и выстроены без должного порядка. В городе есть одна длинная улица, покрытая сверху, которая служит местом для рынка. Этот город сильно пострадал, особенно в последние семь лет, когда вследствие междоусобных войн он был разорен 4 раза; оттого и купцов там мало, да и те бедны, так что во всем городе я едва мог продать четыре куска саржи. Главнейшие товары, которые там

раскупаются, привозятся из Бухары и из Персии; но привозятся они в таком ничтожном количестве, что и упоминать не стоит об этом»[30]

Спустя еще почти столетие общий упадок усугубился обезвоживанием окрестностей и населению Ургенча пришлось покинуть родные места. В 1646 г. хивинский хан Абулгази позволил им поселиться в 190 км к юго-востоку, между Хивой и основным руслом Амударьи. Там и был основан одноименный город (до 1929 г. – Янги-Ургенч, т.е. Новый Ургенч), ныне административный центр Хорезмской области Узбекистана. От некогда великого Гурганджа после этого почти ничего не осталось, а его руины с тех пор стали называться Старым Ургенчем (по-туркменски Koneurgenc).

Жизнь стала возвращаться сюда после того, как в 1831 г. был прорыт обводнительный канал Хан-яб (севернее мавзолея Наджм ад-дина ал-Кубра). У его берегов сложился небольшой поселок сельского типа, ставший основой нынешнего города. В середине XIX в. хивинский хан Мухаммед Эмин попытался перенести сюда столицу своего государства из Хивы и даже возвел мощные стены своего укрепления (Хорезм-баг) на месте пригородной цитадели предположительно золотоордынского времени. Вскоре он погиб в бою с туркменами, а его идея была оставлена. Куня-Ургенч начал развиваться лишь после исчезновения Хивинского ханства и вхождения левобережного Хорезма в состав Туркменской ССР в 1924 г. В 1986 г. Куня-Ургенч, считавшийся поселком, получил статус города. Теперь он является административным центром Куняургенчского этрапа Дашогузского вelayaта.

После провозглашения независимости Туркменистана в 1991 г. – это динамично развивающийся город с аграрным характером экономики. Кроме этого, здесь расположен настоящий музей под открытым небом, который все больше втягивается в орбиту международного сотрудничества. С целью создания его туристической инфраструктуры, активизации археологических раскопок, консервации и реставрации исторических памятников в 1997 г. Правительство Туркменистана совместно с ПРООН

приступило к совместному осуществлению проекта «Развитие культурной сферы Куня-Ургенча».

Несмотря на пристальный интерес нескольких поколений исследователей, которые занимаются Куня-Ургенчем более ста лет, в археологическом отношении он изучен недостаточно и еще ждет своего часа, когда начнутся интенсивные раскопки безымянных холмов и кварталов древнего города. Поэтому вся история этого города основана преимущественно на письменных источниках, собранных в настоящем издании. Археологические материалы и эпиграфика лишь подтверждают, корректируют или же опровергают эти сведения, а чаще всего ставят вопросы, ответить на которые помогут только новые открытия.

В настоящее издание вошли только те отрывки из сочинений средневековых авторов, писавших о Гургандже, которые ранее были переведены на русский язык и опубликованы. Многие из них сегодня труднодоступны, разбросаны по крупицам в разных изданиях, в том числе весьма редких. Прежде всего, это «Материалы по истории туркмен и Туркмении» в 2-х томах (М.-Л., 1938-1939) – уникальный сборник отрывков из арабских, персидских и хивинских сочинений, переведенных российскими востоковедами. В нашем же издании сделана попытка собрать вместе максимальное количество известных свидетельств лишь об одном городе на протяжении нескольких веков его существования. Таким образом, может быть облегчена работа исследователей, так или иначе касающихся прошлого Куня-Ургенча, а также оказана помощь тем, кто впервые изучает его историю.

Все примечания к переводам в основном соответствуют текстам использованных публикаций, лишь в отдельных случаях нами сделаны сокращения или уточнения. Что касается публикации ещё непереведенных источников, то это, несомненно, задача будущего, требующая совместных усилий специалистов, в достаточной мере владеющих материалами рукописных фондов Туркменистана, Ирана, России, Узбекистана, Турции и ряда других стран, обладающих обширными собраниями восточных

манускриптов.

■ СНОСКИ

- [1] Авеста в русских переводах. СПб, 1997, с.274.
- [2] Бартольд В.В. Соч., т.III. М., 1965, с.544. В дословном переводе с авестийского «Арианам-Вайджа» означает «Арийский простор» и, скорее всего, прав проф. И.М.Дьяконов, полагавший, что это название «имеет гораздо более широкое значение, обнимающее не одну какую-нибудь область». См.: Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира: К возможности новых постановок вопроса. // История Иранского государства и культуры. М., 1971, с.137.
- [3] Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948, с.16-17.
- [4] Такой же случай перенесения названия области на ее столицу связан с Бухарой. См.: Беленицкий А.М. и др. Средневековый город Средней Азии. М., 1973, с.233.
- [5] Авеста, с.72.
- [6] Sachau E. Zur Geschichte und Chronologie von Khwarizm. Wien, 1873.
- [7] Толстов С.П. Указ. соч., с.20-23.
- [8] Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. М., 1997, с.195.
- [9] Юсупов Х. Сердце древнего Хорезма. А., 1993, с.21-22.
- [10] Бартольд В.В. Указ. соч., с.545.
- [11] Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, вандалами и готами. Пер. с греч. проф. Спиридона Дестуниса. СПб, 1862, с. 13-14.
- [12] Sachau E. Zur Geschichte und Chronologie. S.2.
- [13] Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб, 1877, с.П.
- [14] Атаниязов С. О происхождении названия Куня-Ургенч // Памятники Туркменистана, 1980, №2, с.29.
- [15] Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 266; Бартольд В.В. Указ. соч., с.403.
- [16] Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его

путешествии на Волгу. Харьков, 1956.

[17] МИТТ, т.1, с.28.

[18] Веселовский Н. Указ. соч., с.40-41.

19МИТТ, т.1. с.41.

[20] Толстов СП. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

[21] Бунятов З.М. Государство хорезмшахов-Ануштегинидов. М., 1986, с.7.

[22] МИТТ, т.1, с.36-37.

[23] Бартольд В.В. Соч., т.1. М., 1963, с.85-86.

[24] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.П. Извлечения из персидских сочинений. М., 1941, с.14.

[25] Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча. Л., 1930, с.13.

[26] Бартольд В.В. Указ. соч., с.504.

[27] Плано Карпини Дж. История монгалов. М., 1997, с.51

28Веселовский Н. Указ. соч., с.79.

[29] Бартольд ВВ. Соч., т.III, с.549.

[30] Веселовский Н. Указ. соч., с.118.